

зала 20
шкафъ
полка
№

97
5.

изд. Л. В. Колоти ва.

262.

ДНЕВНИКЪ АНДРЕ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

НА ВОЗДУШНОМЪ ШАРѢ
къ сѣверному полюсу.

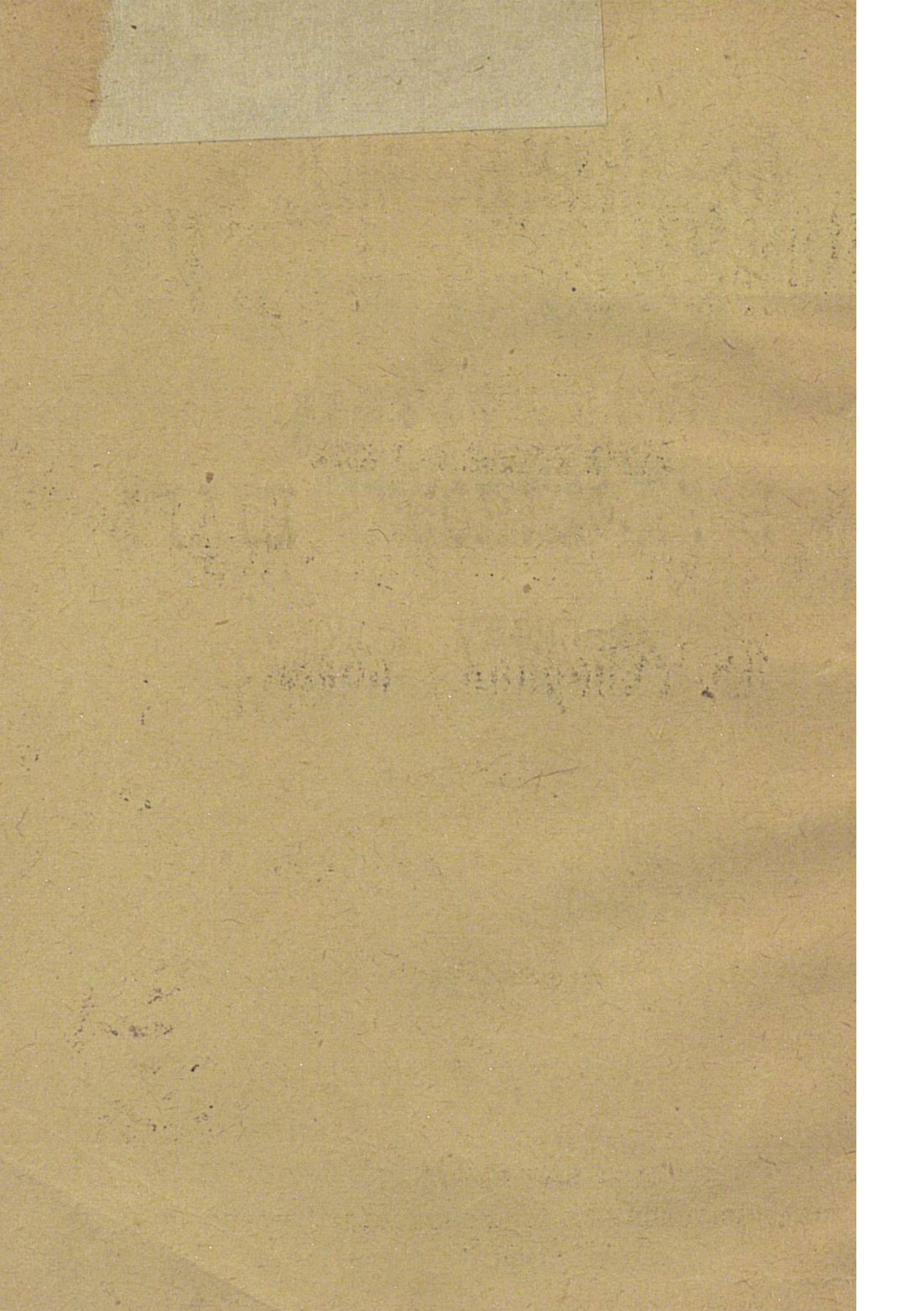
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Цѣна 10 коп.

Складъ изданія:

Лиговка, домъ № 82, кв. 7.

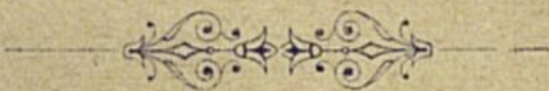
ДНЕВНИКЪ АНДРЕ.

ПУТЕШЕСТВІЕ НА ВОЗДУШНОМЪ ШАРѢ къ сѣверному полюсу.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Паровая Типографія М. М. Розеноеръ, Литейный, 43
1897.

Дозвол. цензурою. С. Петербургъ, 13 Ноября 1897 г.

Дневникъ Андрè.

Путешествіе на воздушномъ шарѣ къ Сѣверному полюсу.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Въ послѣднее время и печать, и публика очень много занимались вопросомъ объ участи знаменитаго воздухоплавателя Андрè, рискнувшаго отправиться на воздушномъ шарѣ къ невѣдомому до сихъ поръ Сѣверному полюсу. Интересъ къ этому смѣлому путешествію выражался далеко не всегда одинаково, — иногда онъ ослабѣвалъ чуть-ли не до совершеннаго забвенія и самаго Андрè и полярныхъ странъ, а иногда доходилъ до такого напряженія, что даже вполнѣ нормальные люди галлюцинировали, видѣли какіе-то несуществующіе воздушные шары, слышали мнимые крики и т. п. Въ виду такого положенія этого вопроса, мнѣ кажется, не только важно, но даже необхо-

димо обнародованіе всѣхъ мало-мальски достовѣрныхъ данныхъ объ участи злополучнаго путешественника. Съ этой точки зрѣнія напечатанное ниже начало дневника, имѣетъ несомнѣнно громадное значеніе, такъ какъ дневникъ этотъ есть до сихъ поръ единственный документъ, взятый изъ реальной дѣйствительности и по всѣмъ признакамъ принадлежитъ перу знаменитаго воздухоплователя. Впрочемъ, не вдаваясь пока въ критическую оцѣнку достовѣрности дневника, я прежде всего расскажу исторію его находки.

12 Ноября, поздно вечеромъ, ко мнѣ совершенно неожиданно явился мой хорошій пріятель Николай Ивановичъ Ф. и привезъ съ собой цѣлый багажъ слѣдующихъ, чрезвычайно любопытныхъ предметовъ. Во-первыхъ, здѣсь былъ шаръ, не фантастическій какой-нибудь, вродѣ «челябинскаго», а самый настоящій, хотя и небольшой, объемомъ всего около 200 кубическихъ метровъ; шаръ этотъ блѣдно-сѣраго цвѣта, имѣетъ обычную, почти яйцевидную форму и сдѣланъ изъ плотной шелковой матеріи; снаружи онъ обтянутъ пеньковой сѣткой, служащей для прикрѣпленія къ шару небольшой ивовой корзины. Во-вторыхъ, мой пріятель привезъ съ собой маленькій изъ просмоленнаго бре-

зента мѣшочекъ и, наконецъ... двѣ рукописи на французскомъ и шведскомъ языкахъ.

— Что это такое?.. Откуда ты взялъ шаръ?.. Ужъ не отъ Андрѣ-ли все это?— невольно взволновался я.

Николай Ивановичъ согласился съ моей догадкой. По его словамъ шаръ этотъ былъ пойманъ въ лѣсу его имѣнія 8 Ноября.

— Такъ ты ради этой находки и пріѣхалъ сюда?—удивился я.

— Что-жъ тутъ удивительнаго?.. Олонецкая губернія не за горами, всего трое сутокъ ѣзды до Питера,—объяснилъ Ф.— Наконецъ, и находка того стоитъ... Знаешь что, добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—я думаю даже дня черезъ два ѣхать со всѣмъ этимъ багажемъ въ Швецію,—тамъ знаютъ почеркъ Андрѣ и, конечно, лучше всего разберутъ, принадлежатъ-ли ему найденныя рукописи.

Я вполне одобрилъ планъ Николая Ивановича. Однако, прежде нежели онъ уѣхалъ, я постарался сдѣлать переводъ интересныхъ рукописей и теперь представляю его на судъ просвѣщенной публики.

При этомъ необходимо замѣтить еще слѣдующее. Обѣ рукописи, шведская и французская, по содержанію своему совер-

шенно тождественны и каждая, изъ нихъ выше заголовка начинается письмомъ, или скорѣе запиской. Записки эти, какъ и дневникъ въ верхней части рукописей, очень попорчены сыростью. Правда, не только смыслъ но и содержаніе записокъ, благодаря сличенію двухъ дневниковъ, удалось восстановить вполнѣ, но подпись къ несчастію въ обоихъ текстахъ вымокла настолько, что лишь съ большимъ трудомъ можно прочесть прописную букву А. Конечно, вполнѣ въ послѣдствіи съ помощью фотографіи и нѣкоторыхъ химическихъ средствъ подпись будетъ восстановлена, но теперь, къ сожалѣнію, этого еще не сдѣлано за недостаткомъ времени. Тѣмъ не менѣе я увѣренъ, что и въ настоящемъ видѣ дневникъ неизвѣстнаго А. (безъ сомнѣнія «Андрѣ»), навѣрно будетъ прочитанъ съ удовольствіемъ всѣми (бразованными людьми, интересующимися наукой и однимъ изъ самыхъ самоотверженныхъ ея представителей.

Переводчикъ дневника *А. В—скій*.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

По непредвидѣннымъ обстоятельствамъ напечатаніе всего дневника не можетъ состояться ранѣе Декабря мѣсяца текущаго года. Вслѣдствіе этого, желая по возможности удовлетворить вполнѣ естественному любопытству публики, я рѣшилъ издавать «Дневникъ» небольшими выпусками, назначая за каждый самую доступную цѣну. Купившихъ настоящій, первый выпускъ, прошу сохранить его, такъ какъ онъ составляетъ лишь начало чрезвычайно интереснаго и безусловно цѣннаго сочиненія о полярныхъ странахъ. Если позволятъ обстоятельства, слѣдующіе выпуски будутъ иллюстрированы найденными въ рукописяхъ рисунками. Второй выпускъ выйдетъ послѣ перваго въ самомъ непродолжительномъ времени.

Издатель.

ЗАПИСКА НА ЗАГОЛОВКЪ.

Сѣверный Полюсъ.

Главный городъ.

18 Ноября 1897 года.

Я имѣю очень мало надежды, что пускаемый мною шаръ съ дневникомъ достигнетъ своего назначенія попасть въ руки цивилизованныхъ людей. Размѣры шара такъ невелики и самое устройство его такъ несовершенно, что скорѣе всего онъ не достигнетъ даже материка. Но безъ надежды жить нельзя, и я отправляю его, не смотря на самые незначительные шансы на успѣхъ. Вскорѣ сдѣлаю и вторую попытку. Прошу тѣхъ, кому, можетъ быть, попадутся въ руки мои записки, опубликовать ихъ во всеобщее свѣдѣнiе. Кромѣ того прошу не разыскивать меня и не снаряжать для этой цѣли никакихъ экспедицій до тѣхъ поръ, пока я самъ когда-нибудь не извѣщу объ этомъ тотъ мiръ, къ которому я принадлежу по своему естественному происхожденiю и духовному развитiю. За мной слѣдятъ, но... (далее записка испорчена)... шлю мой искреннiй привѣтъ моей родинѣ, друзьямъ и всѣмъ, кто помнитъ обо мнѣ.

А...

ДНЕВНИКЪ.

11 іюля, н. с. Слава Богу, путешествіе началось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Вѣтеръ былъ не очень силенъ, но, тѣмъ не менѣе, въ теченіи дня мы пролетѣли къ сѣверу около четырехсотъ миль. Направленіе вѣтра почти не измѣнялось, и въ общемъ мы уклонились къ западу градуса на два долготы, что, конечно, въ здѣшнихъ широтахъ составляетъ разстояніе почти незначительное.

Трудно передать то чувство, которое мы испытали потерявъ, изъ виду нашихъ друзей и очутившись надъ необъятнымъ, безбрежнымъ океаномъ. Какое-то жуткое, щемящее ощущеніе одиночества невольно закрадывалось въ наши сердца. Позади остался близко знакомый и дорогой по пережитымъ событіямъ міръ, впереди—одна неизвѣстность, таинственное будущее съ возможными невзгодами, и сравнительно слабой надеждой на успѣхъ затѣяннаго предпріятія. Вообще и я и мои товарищи были такъ взволнованы въ теченіи этого дня, что не ощущали потребности ни въ пищѣ, ни въ наблюденіи интересныхъ явленій полярной жизни. Даже замѣтки о состояніи

погоды, давлѣніи воздуха, температурѣ и направленіи аеростата дѣлались нами скорѣе машинально нежели сознательно.

Только около 10 часовъ вечера явилась усиленная потребность и въ снѣ и въ пищѣ. Сейчасъ мы пообѣдали и вмѣстѣ съ тѣмъ поужинали. Клонить ко сну. Но, не желая дѣлать пропусковъ въ дневникѣ, я взялъ на себя первую ночную вахту, къ великому удовольствію моихъ товарищей. Теперь мы идемъ на гайдропѣ, футахъ въ 70 надъ поверхностью океана. Земли не видно. Вѣтеръ слабый. Завтра надѣюсь нѣсколько сосредоточиться, успокоиться и вообще отнестись болѣе внимательно къ окружающей меня обстановкѣ.

13 іюля, н. с. Вечеромъ. Кажется, мы теперь вошли, наконецъ, въ настоящую колею. И вчера и сегодня время наше распредѣлялось слѣдующимъ образомъ. Въ шесть часовъ утра, вмѣстѣ съ началомъ первой дневной вахты, кофе и легкій завтракъ, затѣмъ въ девять часовъ закуска, въ двѣнадцать, съ началомъ второй дневной вахты, обѣдъ, въ шесть—кофе и въ десять часовъ вечера ужинъ. Время отъ шести часовъ вечера до шести утра дѣлится нами на три ночныхъ четырехчасовыхъ вахты. Такой порядокъ очень удобенъ, такъ какъ

каждому изъ насъ приходится и спать и бодрствовать въ разные часы сутокъ. На обязанности вахтеннаго лежить производство метеорологическихъ наблюдений и смотря по времени, исполненіе обязанностей повара; вахтенный-же управляетъ, насколько это возможно, и полетомъ аэростата.

Говоря о распредѣленіи времени, я прежде всего упомянулъ о ѣдѣ. Это вполне понятно. Не смотря на интересъ, представляемый самимъ путешествіемъ, завтракъ, обѣдъ и ужинъ играютъ далеко не послѣднюю роль въ нашей однообразной жизни. За ѣдой какъ-то невольно завязываются разговоры и споры; сидя внизу, на самомъ днѣ нашей корзины, невольно забываешь суровую, реальную дѣйствительность, и будущее начинаетъ рисоваться въ привлекательной сказочной дымкѣ; осуществляется сонъ на яву; кажется, что не бодрствуешь, а гредишь, и тогда, смѣю всѣхъ завѣрить, можно провести немало пріятныхъ минутъ и въ утлой ладѣ подъ аэростатомъ, надъ безбрежной пустынной равниной Ледовитаго моря.

Кстати не мѣшаетъ замѣтить, что, не смотря на качку и отсутствіе активнаго движенія, у всѣхъ насъ аппетитъ превосход-

ный. Происходить это, по всей вѣроятности, какъ отъ возбуждающаго дѣйствія свѣжаго воздуха, такъ и отъ общихъ, точно еще неизслѣдованныхъ свойствъ климата здѣшнихъ широтъ. Питаемся мы, какъ я уже замѣтилъ, во-первыхъ, кофе и во-вторыхъ—разнаго рода консервами. И то и другое готовится вахтеннымъ на спиртовой лампѣ, и, къ слову сказать, далеко неодинаково. Лучшимъ поваромъ оказался Стриндбергъ, и самымъ плохимъ—Френкель, я по кулинарнымъ способностямъ занялъ между своими товарищами золотую середину. Интересно смотрѣть съ какой серьезностью и вниманіемъ относится солидный Стриндбергъ къ своимъ поварскимъ обязанностямъ. Еще за часъ слишкомъ до ѣды онъ достаетъ нужные въ данное время припасы, осматриваетъ ихъ, размѣряетъ и дозируетъ какъ самый внимательный аптекарь самое сложное лекарство. Одна варка кофе—цѣлое священнодѣйствіе. Глядя на него, Френкель обыкновенно острить и хохочетъ, а я, придерживаясь нейтральной почвы, только улыбаюсь, сижу и жду, когда наконецъ истощатся кулинарные ухищренія добряка Стриндберга.

Въ морѣ нѣтъ ничего достойнаго особаго вниманія. Повсюду однообразная темная

водная равнина, бѣлая пѣна на гребняхъ небольшихъ извилистыхъ волнъ и больше ничего. Вчера Френкель, во время моего сна, замѣтилъ на горизонтѣ какое-то небольшое судно, по всей вѣроятности китолова, а сегодня, около двухъ часовъ пополудни, мы всѣ видѣли цѣлую стаю, штукъ въ пятнадцать, китовъ. Какъ это ни странно, но шаръ нашъ не произвелъ на нихъ никакого впечатлѣнія, не смотря на то, что шелъ очень низко, всего футокъ въ 200 надъ поверхностью океана.

Изъ пернатого міра попадались неизвѣстныхъ мнѣ породъ чайки и альбатросы. Кстати, заговоривъ о птицахъ, слѣдуетъ упомянуть, что въ теченіи всего нашего путешествія нами выпущено четыре пары голубей. Первая пара пущена безъ особой надобности нѣсколько часовъ спустя послѣ отлета съ твердой земли. Такимъ образомъ мы хотѣли невольно хотъ чѣмъ-нибудь возстановить общеніе съ оставленными на берегу людьми. Вторая пара выпущена вчера послѣ полдня, а третья и четвертая сегодня—утромъ и вечеромъ. Эти голуби понесли уже не сантиментальный привѣтъ друзьямъ на родину, а сообщенія чисто дѣловаго и научнаго характера, короче говоря—выписки изъ корабельнаго журнала

нашего воздушнаго судна. Всѣ выпущенные голуби сразу-же взяли южное направленіе и быстро скрылись изъ виду.

Теперь я поймалъ себя на странномъ, хотя и глупомъ стремленіи замолчать непріятное. Но я помню, что я не страусъ, прячущій голову въ песокъ отъ опасности, и, скрѣпя сердце, все-таки запишу неутѣшительныя событія послѣднихъ двухъ дней. Первая бѣда заключается въ томъ, что, благодаря набѣжавшей тучѣ, охладившей воздухъ и опустившей аэростатъ, вчера вечеромъ мы попали въ токъ воздуха, имѣвшій совершенно нежелательное для насъ направленіе, съ востока на западъ. Терять балластъ въ самомъ началѣ путешествія было черезчуръ рискованно, и вслѣдствіе этого намъ волей-неволей пришлось пролетѣть къ западу болѣе двухсотъ миль, что совершенно измѣняетъ весь планъ нашего путешествія, и вмѣсто Америки конечнымъ пунктомъ полета являются теперь негостепріимныя пустыни сѣверной Сибири. Вторая непріятность схожа съ первой, съ той лишь разницей, что, благодаря непроизвольному измѣненію высоты полета, мы цѣлый сегоднешній день послѣдовательно то подвигались къ сѣверу, то возвращались назадъ, и только послѣдніе три-четыре часа летимъ,

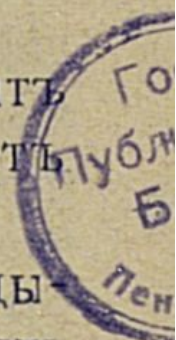
наконецъ, довольно быстро и, что самое главное, къ сѣверу, почти по меридіану. Теперь мы находимся, приблизительно, подъ $30^{\circ}, 40'$ западной долготы и подъ 82° сѣверной широты. Скорость полета — около двадцати пяти миль въ часъ. Если условія погоды не измѣнятся, можно рассчитывать на... на то, что Богъ дастъ. Жалкое положеніе!.. Не смотря на видимо благопріятныя данныя, мы все-таки рѣшительно ни на что не можемъ рассчитывать.

Температура $+ 10$. Влажность—нормальная. Высота полета—450 футовъ.

Не смотря на полночь солнце свѣтитъ также ярко, какъ днемъ, хотя и имѣетъ нѣсколько багровый оттѣнокъ.

15 іюля. Утромъ, 7 часовъ. Да, загадывать впередъ нечего. Вмѣсто полюса—опять таже широта, что и два дня тому назадъ, вмѣсто западной долготы—восточная и, наконецъ, вмѣсто вѣтра—полнѣйшій, рѣшительно ничѣмъ необъяснимый штиль.

За то наканунѣ намъ пришлось выдержать настоящій штормъ. Начался онъ утромъ, въ 4 часа, въ то время, когда мы шли на высотѣ около 1000 футовъ, во время моей вахты. Сначала я думалъ управиться собственными силами, но вскорѣ увидѣлъ, что положеніе наше черезчуръ

серьезно и что рисковать лишними шансами на успѣхъ благодаря лишь своей самонадѣянности я не могу. Въ самомъ дѣлѣ, погода разыгралась не на шутку. Въ какія-нибудь четверть часа все небо покрылось темными клочковатыми облаками. Вѣтеръ съ каждой минутой крѣпчалъ, постоянно мѣнялъ направленіе и, наконецъ, превратился въ какую-то нелѣпую, противную всѣмъ законамъ метеорологіи, бурю. Барометръ быстро упалъ. Температура понизилась. Скорость движенія воздуха была такъ велика, что вѣтеръ свистѣлъ и шумѣлъ въ снастяхъ словно на парусномъ фрегатѣ. Я сталъ будить товарищей. Впрочемъ, они и сами сквозь сонъ чувствовали, что дѣло не ладно, такъ какъ, увлекаемый бурей, шаръ все время былъ впереди корзины, вслѣдствіе чего вмѣсто обычнаго горизонтальнаго положенія, дно ея постоянно наклонялось то въ ту то въ другую сторону. При перемѣнѣ направленія наклонно устойчивое положеніе всей системы нарушалось и корзина начинала раскачиваться словно гигантскій маятникъ, дѣлая нерѣдко углы до 90°.

При такихъ критическихъ обстоятельствахъ рѣшено было подняться выше пояса бури. Къ этому насъ понуждало еще и то

крайне неблагоприятное условіе, что вслѣдствіе сильнаго пониженія температуры аеростатъ опустился почти къ самой поверхности океана; можно было опасаться, что какой-нибудь шальной токъ воздуха погрузитъ насъ въ воду.

На первый разъ выбросили два мѣшка балласта, по 100 килограммовъ въ каждомъ. Аеростатъ быстро рванулся кверху, нѣсколько разъ метнулся къ западу и къ востоку, наконецъ достигъ сферы облаковъ и быстро пошелъ по сѣверо-восточному направленію. Море исчезло изъ глазъ. Вокругъ былъ густой, дышащій сыростью туманъ. Высоту полета точно опредѣлить не удалось, такъ какъ вслѣдствіе сильнаго паденія барометра нужно было дѣлать значительную поправку, а величина этой поправки намъ не была извѣстна. Только по приближительному расчету можно полагать, что тогда мы летѣли на высотѣ отъ 2000 до 2500 футовъ. Часовъ въ 7 утра облака кое-гдѣ разорвались и мы увидѣли, что все море до самаго горизонта было покрыто разбитыми остатками ледяныхъ полей. Не смотря на большое разстояніе, до насъ ясно доносился шумъ сталкивающихся льдинъ. Около 8 часовъ мы наткнулись на жалкую жертву свирѣпствующей бури. Небольшой китоловъ,

совершенно затертый льдами, съ поломаннымъ рангоутомъ и порванными снастями, отчаянно боролся съ неминуемой гибелью. Видно было, какъ экипажъ рубилъ мачты и старался установить временной руль изъ двухъ полубочекъ. Увидѣвъ насъ, китоловъ выкинулъ сѣверо-американскій флагъ и сигналъ о помощи. Сердце обливалось кровью при видѣ гибели храбрыхъ моряковъ; но что-же мы могли сдѣлать? Весельчакъ Френкель не могъ выдержать тяжелаго зрѣлища и заплакалъ какъ маленькій ребенокъ. Черезъ полчаса мы потеряли несчастное судно изъ виду. Встрѣча съ китоловомъ произошла приблизительно подъ $12^{\circ}, 15'$ восточной долготы и $80^{\circ}, 30'$ сѣверной широты.

6-го августа. Я долго ждалъ, ждалъ цѣлыхъ три недѣли, возможности передать въ дневникъ свои послѣднія впечатлѣнія. Теперь возможность эта есть, но за то нѣтъ ни силъ, ни умѣнья выразить словомъ пережитыя ощущенія. Одно только могу сказать: я живу въ совершенно иномъ мірѣ, мірѣ настолько фантастическомъ, настолько странномъ, что создать его не можетъ даже самое смѣлое воображеніе. Но на самомъ дѣлѣ все окружающее меня далеко не фантазія, а самая настоящая, живая, реальная дѣйствительность. И самъ я не грежу, а

живу, мыслю и чувствую; я самъ несомнѣнный обитатель новаго страннаго міра;• короче говоря, я живу на Сѣверномъ полюсѣ, среди странныхъ населяющихъ его существъ.

Что такое полюсъ?... Для всякаго мало-мальски образованнаго человѣка, вопросъ этотъ совершенно пустой, хотя вполнѣ точно и не разрѣшимый. Прежде всего полюсъ, конечно, извѣстная математическая точка, частица земли, вращающаяся вокругъ самой себя, такое мѣсто, гдѣ солнце не заходитъ лѣтомъ и не показывается зимой ровно по шести мѣсяцевъ. Съ физической точки зрѣнія полюсъ одно изъ двухъ: или море, или суша... Такъ скажетъ всякій, такъ думалъ и я до тѣхъ поръ, пока самъ не очутился на полюсѣ.

Какъ это ни странно, но опредѣленія поэтовъ гораздо точнѣе и ближе къ дѣйствительности, — полюсъ на самомъ дѣлѣ есть таинственный фантастическій міръ, совершенно особый и не похожій ни на что земное...

На другой день послѣ шторма погода была теплая и ясная. Измѣнявшійся наканунѣ вѣтеръ принялъ снова прежнее сѣверное направленіе и дулъ настолько сильно, что по моимъ расчетамъ мы пролетали въ часъ около сорока итальянскихъ миль.

При такой скорости мы ожидали достигнуть полюса въ этотъ-же день, и расчеты наши были близки къ осуществленію, такъ какъ секстанъ показалъ намъ въ полдень, что мы находимся приблизительно на $85^{\circ} 35'$ сѣверной широты.

Сначала, съ утра, аэростатъ нашъ держался на высотѣ 400—500 футовъ, но потомъ, сильно разогрѣтый солнечными лучами, онъ поднялся на высоту 1.000 футовъ слишкомъ. Термометръ, (Цельсій), показывалъ въ тѣни $+12$ и на солнцѣ $+20,5$.

Вообще, условія полета были самыя благопріятныя. Конечно, за послѣднее время мы достаточно уже разувѣрились въ легкости достиженія цѣли, но, тѣмъ не менѣе, надежда не покидала насъ, и самочувствіе наше значительно улучшилось. Послѣ обѣда радостное настроеніе дошло до того, что Френкель сталъ даже пѣть.

Голосъ у него прекрасный, хотя и мало обработанный. Мы съ истиннымъ удовольствіемъ прослушали нѣсколько номеровъ соло; затѣмъ присоединился Стриндбергъ и безбрежная равнина океана огласилась впервые, какъ мы думали, отъ сотворенія міра очень стройнымъ и звучнымъ дуэтомъ.

Странное впечатлѣніе производилъ этотъ импровизированный концертъ. Внизу—пу-

стынное море, сверху—блѣдно-синее полярное небо. Нигдѣ ни единого живаго существа. И только три человѣка, находясь въ полной зависимости отъ произвола капризныхъ стихій, дерзко нарушаютъ тысячеклѣтнее спокойствіе пустыни своимъ легкомысленнымъ, почти неумѣстнымъ веселіемъ. Мнѣ даже грустно стало. Но товарищи мои не унывали и даже предлагали мнѣ спѣть вмѣстѣ съ ними тріо изъ «Пророка». Я отказался.

Вскорѣ затѣмъ мы были обрадованы новымъ, довольно знаменательнымъ событіемъ. Около трехъ часовъ пополудни, съ аэростатомъ встрѣтилась небольшая неизвѣстнаго мнѣ вида морская чайка. Птичка направлялась на югъ и, вопреки ожиданію, не только не испугалась насъ, но совершенно спокойно усѣлась на край корзины и безбоязненно отдалась намъ въ руки. Сначала мы думали, что она сильно утомлена противнымъ вѣтромъ, но оказалось, что причина ея смѣлости зависитъ отъ другой причины. Выскользнувъ изъ рукъ Френкеля, чайка нѣсколько миль летѣла вмѣстѣ съ нами къ сѣверу, потомъ описала вокругъ аэростата два большихъ круга и снова усѣлась на бортъ. Френкель вздумалъ, ее накормить. Къ великому удовольствію всей экспедиціи

довѣрчивая птичка совершенно безбоязненно позволяла гладить себя, ѣла изъ рукъ рыбныя консервы, размоченныя въ кофе сухари и даже проглотила, предложенный ей Френкелемъ, кусочекъ сахару.

Вообще птичка эта казалась намъ радостнымъ вѣстникомъ земли, и притомъ земли не безплодной, но несомнѣнно заселенной живыми существами.

Съ другой стороны можно было навѣрное сказать, что полярный материкъ не обитаемъ людьми, иначе милая птичка не проявила-бы къ намъ такого поистинѣ трогательнаго довѣрія.

Будущее рисовалось намъ въ самомъ радужномъ свѣтѣ.

— Если на полярномъ материкѣ существуетъ жизнь, то, очевидно, физическія и климатическія условія этому благопріятствуютъ,—резонировалъ степенный Стриндбергъ,—а, слѣдовательно, весьма вѣроятно, что мы открываемъ новую арену жизни для переполняющаго землю человечества.

Весельчакъ Френкель, бывшій въ это время на вахтѣ, по обыкновенію, подшучивалъ надъ мечтаніями Стриндберга, острилъ и смѣялся.

— А что, господа, не основать-ли намъ на полярномъ материкѣ совершенно неза-

висимую колонію?—предлагалъ онъ.—Право, идея недурная... Новое государство, на новыхъ условіяхъ жизни. Какъ ты думаешь, Стриндбергъ?

Я невольно взглянулъ къ таинственному неизвѣстному сѣверу и... чуть не уронилъ подзорной трубы въ море,—подъ вѣтромъ, миляхъ въ двадцати передъ нами, совершенно явственно обрисовался низкій темный берегъ.

— Земля!!!—крикнулъ я внѣ себя отъ охватившаго меня волненія.

— Земля!.. — повторили какъ эхо мои товарищи, хватаясь за бинокли.

— Мнѣ кажется, что ни Христофоръ Колумбъ, ни другіе, жаждавшіе открытій мореплаватели, никогда еще не встрѣчали желанную землю съ такимъ восторгомъ, съ какимъ встрѣтили ее мы.

Въ первыя минуты послѣ радостнаго открытія мы почти обезумѣли. Состояніе нашего духа въ то время можно сравнить только съ ощущеніемъ преступника, приговореннаго къ смертной казни и неожиданно получившаго полное помилованіе.

Между тѣмъ разстояніе отъ насъ до земли съ каждымъ мгновеніемъ все уменьшалось и уменьшалось. Въ половинѣ четвертаго берегъ отстоялъ отъ насъ уже не

болѣе чѣмъ на пять миль. Принимая во вниманіе сдѣланное въ полдень наблюденіе, скорость и время движенія аэростата, можно было съ большой вѣроятностью заключить, что встрѣченная нами земля (на $20^{\circ}, 24'$ восточной долготы) начинается съ 88 сѣверной параллели, т. е. всего въ двухъ градусахъ отъ полюса.

Каждому понятно, съ какимъ интересомъ разсматривали мы приближающійся берегъ. Наша лучшая подзорная труба ежеминутно переходила изъ рукъ въ руки. Всякому хотѣлось хотя взоромъ проникнуть прежде другихъ въ невѣдомую, вновь открытую страну; всякій чего-то ждалъ, что-то предвидѣлъ и предчувствовалъ...

Да, мнѣ кажется, что ничѣмъ инымъ нельзя объяснить нашего непостижимаго, съ каждымъ мгновеніемъ увеличивавшагося волненія, какъ только инстинктивнымъ предчувствіемъ. Но, пока довольно.

7-го августа. Въ самомъ дѣлѣ, чрезмѣрное волненіе наше можно было объяснить только предчувствіемъ.

Берегъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ низкій и темный. Такой колоритъ его, оказалось, зависѣлъ отъ массы густой, приземистой полярной растительности. Впрочемъ, кромѣ осокъ, мховъ и низкой сѣверной бе-

резы, мы, къ великому своему изумленію, замѣтили еще и какія-то, очевидно, культурныя растенія. Я говорю «очевидно» потому, что растенія эти волновались подобно нашихъ колосовымъ хлѣбамъ и кромѣ того росли на правильныхъ, строго геометрической формы участкахъ.

Аэростатъ перелетѣлъ береговую линію въ 3 часа 46 минутъ и 34 секунды пополудни. Среди нашей экспедиціи царило самое глубокое молчаніе. Чувства наши были такъ потрясены неожиданнымъ открытіемъ, что никто изъ нихъ не могъ произнести ни одного слова. Да, впрочемъ, разговоры были совершенно излишни.

— Но гдѣ-же, однако, хозяева этихъ полей?—заговорилъ, наконецъ, болѣе другихъ сохранившій присутствіе духа Стриндбергъ.

Френкель, не говоря ни слова, взялъ его за руку и сдѣлалъ жестъ по направленію къ сѣверо-востоку.

Тамъ, на небольшемъ, поросшемъ низкими деревьями плато, возвышались какія-то удивительныя, чрезвычайно страннаго вида постройки. Въ общемъ онѣ напоминали отдѣльную усадьбу; только предназначенныя для хозяйственныхъ цѣлей, строенія были непомѣрно велики, а жилой центральный домъ черезчуръ высокъ и почему-

то съ башней, видомъ своимъ напоминающей вышку метеорологической обсерваторіи. Башня оканчивалась шпицами, флюгерами и цѣлой массой какихъ-то невѣдомыхъ физическихъ приборовъ. Всторонѣ, на отдѣльной колоннѣ, помѣщалось нѣчто вродѣ гигантскаго конденсатора. Всѣ постройки были сооружены изъ однообразной желтоватобѣлой массы; только приборы и шпицы очевидно были сдѣланы изъ металла и ярко горѣли на солнцѣ какъ настоящее, хорошо полированное серебро.

Вѣтеръ значительно стихъ. Аэростатъ немного опустился и продолжалъ свое движеніе къ сѣверу со скоростью не болѣе 10 миль въ часъ.

— А гдѣ же люди?—невольно вырвалось у Стриндберга.

— И люди есть, — снова указалъ зоркій Френкель.

Дѣйствительно, внизу на землѣ, неподалеку отъ построекъ показалась и небольшая группа людей. Аэростатъ пролетѣлъ около нихъ довольно близко, такъ что мы безъ труда могли разсмотрѣть этихъ первыхъ, встрѣченныхъ нами, обитателей Полярной Земли. Всѣ они были одѣты въ однообразные костюмы, очень рослы и бѣлокуры. Были-ли здѣсь женщины, трудно ска-

затъ, хотя по очертаніямъ нѣкоторыхъ фигуръ, можно было сильно сомнѣваться въ ихъ принадлежности къ мужскому полу.

— А вотъ и стада ихъ, — замѣтилъ, наконецъ, Стриндбергъ.

— Какія стада? — удивился Френкель, — это слоны; ихъ, насколько я знаю, и въ Индіи не пасутъ стадами.

— Нѣтъ, это не слоны, — возразилъ я, — а самые настоящіе мамонты.

— Мамонты!..

Однако сомнѣнія относительно породы встрѣченныхъ животныхъ быть не могло. На самомъ дѣлѣ, внизу, на большомъ травянистомъ выгонѣ, паслось цѣлое стадо, головъ въ пятьдесятъ этихъ, давно уже исчезнувшихъ съ нашихъ материковъ, толстокожихъ. Колоссальныя, покрытыя длинной бурой и темно-сѣрой шерстью животныя, стоя на колѣняхъ переднихъ ногъ, мирно пощипывали сочную зеленую траву. Далѣе мы замѣтили, что на одномъ изъ мамонтовъ сидѣлъ съ небольшою палочной въ рукахъ бородатый пожилой туземецъ, по видимому пастухъ страннаго стада. Аеростатъ летѣлъ далѣе.

Вскорѣ характеръ мѣстности нѣсколько измѣнился. Вмѣсто плоской и низменной равнины стали попадаться холмы и неболь-

шія положія углубленія. Отдѣльныя усадьбы сразу выдвинулись въ пяти или шести мѣстахъ. Земля вездѣ была воздѣлана и представляла собой то поля неизвѣстныхъ намъ растеній, то обширныя тщательно культивированные выгоны съ пасшимися на нихъ стадами мамонтовъ, рослаго рогатаго скота, громадныхъ свиней и колоссальныхъ мохнатыхъ животныхъ, похожихъ на оленей. Стриндбергъ, изучавшій когда-то палеонтологію рѣшилъ, что странные олени представляютъ собой также исчезнувшій нынѣ съ нашихъ материковъ видъ оленя называемаго «торфянымъ». Такое названіе дано этому животному вслѣдствіе того, что кости его находятъ преимущественно въ торфяникахъ Ирландіи.

— Ну, и сторона!.. — заговорилъ Стриндбергъ; — допотопныя животныя, и рядомъ съ этимъ — культура выше нашей, европейской.

Мнѣніе моего товарища о высокой культурности вновь открытой земли, повидимому, было совершенно справедливо. Кромѣ прекрасно воздѣланныхъ полей и, если можно такъ выразиться, идеально научныхъ построекъ, мы всюду видѣли отличныя дороги, шоссейныя и рельсовыя, водопроводы и другія, соединяющія отдѣльныя поселки

сооруженія. Сотни трубъ и всевозможныхъ проволокъ тянулись чрезъ поля рѣшительно по всѣмъ направленіямъ. Назначеніе нѣкоторыхъ трубъ мы угадывали,—судя по діаметру, это были, должно быть, проводники газовъ, или жидкостей. Но рядомъ съ этими были еще какія-то гигантскіе безконечные цилиндры діаметромъ до трехъ метровъ и даже болѣе. Затѣмъ повсюду, и вдоль дорогъ, и просто на поляхъ стояло очень много фонарей. Предполагая, что всѣ они электрическіе, легко можно было себѣ представить, какъ освѣщается вся эта мѣстность въ теченіи шестимѣсячной полярной ночи.

— И ночь и день здѣсь одинаковы,—выразилъ вслухъ наши общія мысли Стриндбергъ.

— Да... я полагаю, что здѣсь, близъ полюса, можно жить гораздо лучше, нежели у насъ, при болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ,—согласился Френкель.

Признаться, я не раздѣлялъ мнѣнія моихъ товарищей. Если сравнить культуру этихъ островитянъ съ нашей, то окажется, что мы передъ ними ни болѣе ни менѣе какъ настоящіе дикари, думалъ я;—и каково-же тогда будетъ наше положеніе при встрѣчѣ съ ними?... Въ музей насъ здѣсь

посадятъ, только... Другого мѣста для насъ среди этого народа нѣтъ, да и быть не можетъ. Я высказалъ свои соображенія товарищамъ.

— Конечно, здѣсь есть нѣкоторая доля правды,—согласился Стриндбергъ,—но только—нѣкоторая... Кто знаетъ, можетъ быть они во всемъ остальномъ, кромѣ этихъ сооружений, стоятъ неизмѣримо ниже насъ; техническая образованность очень часто уживается вмѣстѣ съ поразительнымъ духовнымъ невѣжествомъ.

— Во всякомъ случаѣ надѣюсь, что здѣшніе туземцы не людоѣды,—замѣтилъ весельчакъ Френкель;—остальное-же меня очень мало интересуетъ... Вотъ увидите, какъ мы хорошо проведемъ здѣсь время;—будемъ лакомиться допотопными животными, наслаждаться великолѣпной иллюминаціей...

— Они могутъ, и не будучи людоѣдами, совершить надъ нами какое-либо насиліе,—возразилъ осторожный Стриндбергъ.

— Ну, что-же? тогда постараемся сначала узнать ихъ намѣренія; и, если замѣтимъ что-либо подозрительное—сейчасъ... два мѣшка балласта—и кверху.

— А если они вслѣдъ за нами?—не унимался Стриндбергъ.

— Врядъ ли... До сихъ поръ мы не встрѣ-

уили ни одного летательнаго снаряда. Кажется, что эти ловкіе строители дурацкихъ трубъ и нелѣпыхъ голубятень не особенно сильны въ воздухоплаваніи.

— А это что?..

Я и И Френкель взглянули въ указанномъ направленіи, на западъ, и увидѣли, что съ одной изъ этихъ «голубятень» слетѣли по-олѣдовательно, одинъ за другимъ, человѣкъ десять-двѣнадцать туземцевъ.

Быстро и легко, словно стая гигантскихъ бѣлыхъ птицъ, поднялись они въ уровень съ аеростатомъ, затѣмъ описали въ воздухѣ большой кругъ и направились прямо по направленію къ намъ.

Не смотря на вполне естественное волненіе, мы однако успѣли разсмотрѣть, что островитяне летѣли при помощи громадныхъ бѣлыхъ искусственныхъ крыльевъ, очень похожихъ по формѣ на крылья обыкновенной летучей мыши. Кромѣ того у каждаго изъ нихъ былъ прикрѣпленъ къ ногамъ длинный двухлопастный руль.

— Ну, съ чѣмъ-то они къ намъ пожалуютъ?—тревожно замѣтилъ я.

— Съ чѣмъ не пожалуютъ, а вооружиться все-таки не мѣшаетъ, — отозвался Стриндбергъ, доставая изъ нашего арсенала револьверы.

Я колебался и не зналъ что дѣлать.

Вдругъ аеростатъ нашъ сильно рванулся кверху.

— Балластъ!.. Кидайте балластъ!.. слышался въ то-же мгновеніе голосъ Френкеля.

Мы машинально повиновались.

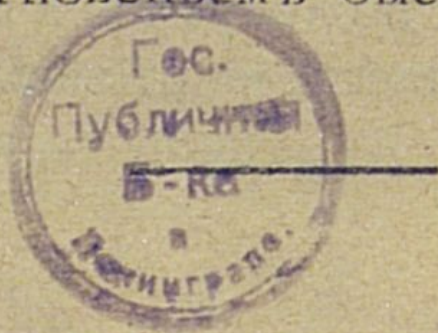
Въ одну секунду за бортъ полетѣли мѣшки съ пескомъ, сначала одинъ, затѣмъ другой, третій, четвертый... Аеростатъ сталъ подниматься съ невѣроятной, никогда еще невиданной мною быстротой. Даже духъ захватило.

— Четыре тысячи восемьсотъ, пять... пять съ половиной тысячъ футовъ,—слышался спокойный голосъ Стриндберга;—и навѣрное еще настолько поднимемся... Надо слѣдить теперь за шаромъ... Исправенъ-ли клапанъ?

— Исправенъ,—отозвался Френкель, тронувъ веревку, прикрѣпленную къ клапану.—А гдѣ-же наши милые островитяне?..

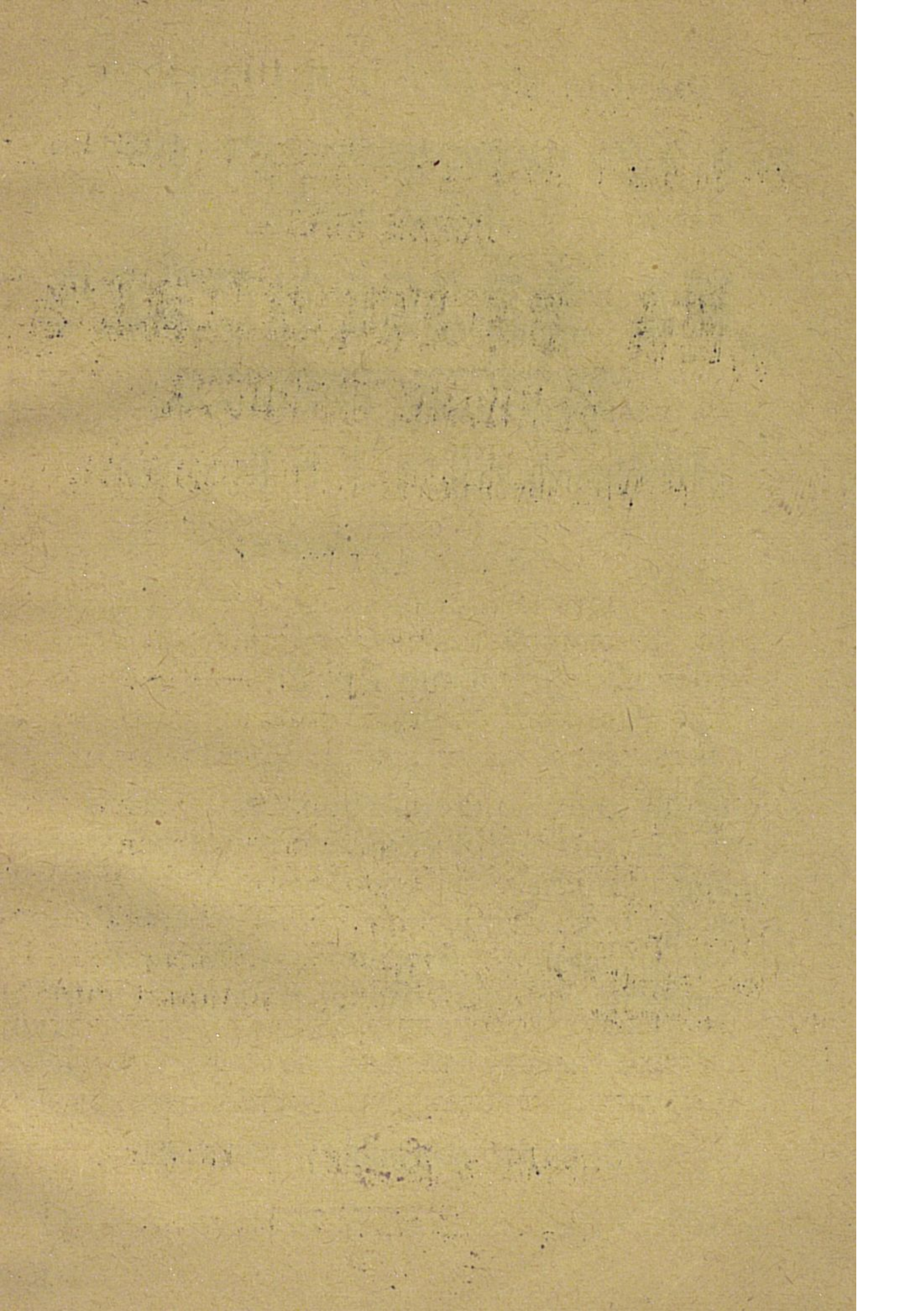
Я взглянулъ за бортъ. Внизу, на разстояніи менѣе тысячи футовъ, описывая въ воздухѣ громадную спираль, островитяне летѣли кверху вслѣдъ за аеростатомъ, съ каждымъ мгновеньемъ быстро нагоняя его.

А. В—скій.

Рен

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

„НА ВЕЛОСИПЕДѢ“

ЗАПИСКИ ТУРИСТА.

Роскошное изданіе Л. В. Колотилова,

съ рисунками.

Цѣна 1 руб.

Описаніе популярныхъ городовъ, селъ и деревень съ ихъ достопримѣчательностями, нравами, обычаями между С.-Петербургомъ и Нижнимъ Новгородомъ. Всероссійская выставка и ярмарка (ея нравы) въ Нижнемъ-Новгородѣ. — Поволжскіе города. — Велосипедный спортъ.

Складъ изданія у автора:

СПБ.. Лиговка, д. № 82, кв. 7.

ГПБ Русский фот

20.97.5.262.